

ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПОДПИСКА  
на ЕЖЕДНЕВНУЮ ГАЗЕТУ

# „ИЗВЕСТИЯ ЦИК СССР и ВЦИК“

под редакцией И. И. СТЕПАНОВА - СКВОРЦОВА.  
(9-й год издания).

ПОДПИСНАЯ ЦЕНА:

на 1 месяц	1 руб. — коп.
„ 3 „	2 „ 85 „
„ 4 „	3 „ 80 „

ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПОДПИСКА  
на ежемесячный литературно-научно-популярный и политический журнал

# „НОВЫЙ МИР“

(10 листов, 160 страниц в месяц)

под ред. М. В. ПУЛЯЧАРСКОГО и И. И. СТЕПАНОВА - СКВОРЦОВА

ПОДПИСНАЯ ЦЕНА:

6 мес.	4 мес.	3 мес.	1 мес.
3 р. 50 к.	2 р. 40 к.	1 р. 80 к.	60 к.

Цена отдельной книжки 90 коп.

# НОВЫЙ МИР

ЛИТЕРАТУРНО/  
ПОЛИТИЧЕСКИЙ  
И НАУЧНЫЙ  
ЖУРНАЛ

# 9

1 9 2 5

\* \* \*

Я люблю пустыри и рощи,  
Аромат васильковых жит,  
Оттого, что звончей и проще  
Их всегда молодая жизнь.

Я люблю отдыхать все чаще  
Вдалеке от лесных просек.  
В настоящей еловой чаще  
Не встречается человек.

Ой, товарищи, тяжело, тяжело!  
Как же мне не любить лесов,  
Если ваши глаза—ледяшки,  
А лицо—циферблат часов.

Если вы у рассудка в лапах  
Погасили свои глаза,  
Если даже и цвет, и запах  
Потеряли для вас леса.

Называйте меня заблудшим,—  
Не боюсь никакой молвы.  
Все равно я не стану лучшим,  
Если лучшие—это вы.

Борис Новынев.

## УТРОМ РАННИМ...

Утром ранним, лишь солнце засветится,  
Зацелует ржаные поля,  
Моя жатка трескучая мечется,  
Режет, чешет полей куделя.

А в груди песнь щеглиная просится,  
И звенит у реки коростель,  
А жатка певучая носится  
И стрищет голубую кудель.

Долго нежно расчесывать буду  
Ваши кудри, хмельные поля...  
Никогда, никогда не забуду,  
Землю давшую дни Октября.

Долин.

## Восстание на броненосце „Потемкин“.

(Из воспоминаний.)

Х. Раковского.

### Накануне восстания.

Известно, что бунт на «Князе Потемкине» не был фактом случайным и неожиданным; это частичный, преждевременный взрыв обширного, смело задуманного плана всеобщего восстания, которое должно было охватить огненным кольцом весь русский черноморский флот. Овладев приморскими крепостями, русская революция приобрела бы неприступную базу дальнейших завоеваний. Бомбардируя побережье, организуя высадку войск, она могла бы поднять весь юг, а отсюда распространиться на остальную часть обширного государства. Это восстание должно было вспыхнуть в июле, во время больших морских маневров. По условному сигналу (две ракеты, пущенные одна за другой с палубы броненосца «Екатерина II») участвовавшие в заговоре матросы должны были арестовать или убить своих офицеров, «именем народа» овладеть всеми судами и принять из них команду. Как известно, несчастный инцидент с тухлым мясом преждевременно вызвал бунт на «Князе Потемкине» и разрушил весь план.

Из числа других мало подготовленных и не предупрежденных судов в движении могли принять участие лишь «Георгий Победоносец», оставшийся верным революции всего в течение 24 часов, и учебное судно «Прут», которое безуспешно искало «Князя Потемкина», чтобы соединиться с ним. Надо упомянуть еще о «Синопе»—он также присоединился бы к «Потемкину», но внезапный приказ Кригера отступить к Севастополю удалил это судно из Одессы раньше, чем революционное меньшинство смогло побороть колебания нерешительного и трусливого большинства матросов. Печальнее всех была участь броненосца «Екатерина II» или «Кати», как его фамильярно звали матросы. В самом деле, в то время, как на «Потемкине» вспыхнул бунт, между офицерами и матросами «Екатерины II» произошел ничтожный конфликт, жалкий в сравнении с той ролью, которую мог бы сыграть броненосец два дня спустя; большая часть экипажа была высажена на берег. Вот отчего наиболее революционный броненосец должен был остаться в Севастополе в то время, когда остальные были отправлены в Одессу против «Князя Потемкина». Вот отчего

последнему пришлось одному, или почти одному, вести борьбу, преждевременно им начатую.

Однако, возникает вопрос, удалось ли бы всеобщее восстание, если бы не случай с «Потемкинским»? Мог ли флот рассчитывать на успех в своей попытке овладеть прибрежными городами и поднять рабочее население?

Когда подробно знакомимся с потрясающей, полной драматизма, историей борьбы матросов-революционеров; когда узнаешь, как близок был успех в известные моменты, хотя в распоряжении имелось одно лишь судно, то является почти полная уверенность в победоносности всеобщего восстания. Тот факт, напр., что отсутствие сигналов заставило матросов прекратить бомбардировку Одессы и, значит, потерять все плоды такой бомбардировки, показывает, какую роль играла случайность во всем этом деле. Попытка восстания черноморского флота, кроме влияния, которое она имела на дальнейший ход русской революции, представляет еще значительный интерес в историческом отношении. С чисто военной и технической точки зрения необходимо признать, что идея восстания флота — положить начало всеобщего военного восстания, была идеей очень удачной не только потому, что матросы, благодаря специальному подбору, являются наиболее восприимчивыми из всех военных к социалистической пропаганде, но, главным образом, потому, что восставший флот может держаться и давать отпор гораздо дольше, чем всякая другая часть войска. Предположим, что поднялся весь флот; трудно представить, какими средствами правительство могло бы его подавить. Если «Князю Потемкину» легко было доставать провизию даже в таких укрепленных городах, как Одесса, то целому флоту это было бы еще легче. Не трудно понять, что он господствовал бы на всем побережье. Да, поистине победоносное всеобщее восстание флота создало бы положение беспрецедентное в истории гражданских войн. Русский абсолютизм со всей своей армией оказался бы бессильным в борьбе с горстью людей. Правящая Россия оказалась бы в таком же смешном положении, в каком очутилось Румынское правительство, когда оно узнало, что «Потемкин» явился в Констанцу; оно отдало приказ мобилизовать весь гарнизон, не исключая и... кавалерийского полка. Не без иронии офицеры недоумевали, какую же функцию будут исполнять лошади в сражении с броненосцем.

Но истинный исторический интерес восстания «Князя Потемкина» и других судов раскрывается только при изучении причин, его вызвавших. Русская соц.-демократическая рабочая партия, преимущественно крымская организация (крымский соц.-демократический союз), много способствовала выработке революционеров среди матросов, но величайший учитель, пробудивший их умы, научивший их понимать революционные и социалистические идеи, — это русский государственный строй в его целом, русский казарменный режим, в частности. Упуская из виду последнее обстоятельство, мы никогда не нашли бы истинных причин революционного движения во флоте и других аналогичных движениях.

В этой главе мы задаемся целью описать на основании имеющихся документов роль *сознательных* факторов, т.-е. социалистической пропаганды, в подготовке к происшедшему бунту, и факторов *бессознательных*, т.-е. русского военного режима. Казарменный режим являлся отражением всего политического и социального строя страны; также и условия внутренней

жизни, сложившиеся на «Кн. Потемкине», совершенно одинаковы с условиями во всем нашем флоте. Офицерство везде одинаково проявляло бессмысленную жестокость, одинаковое непонимание необходимости в более человеческом обращении с матросами. Всякое стремление последних к более свободной жизни вызвало со стороны начальства лишь упрямую решимость пускаться в ход строгости и наказания. При этом отношении матросы, очевидно, не могли питать особенно нежных чувств к своему начальству. Послушание было чисто внешнее, из страха перед наказаниями; в глубине души они ненавидели и презирали этих «драконов и скорпионов», как их называли, и, не стесняясь, высказывали это в глаза, когда представлялся удобный случай. Во время мятежа 3 ноября матросы преследовали своих офицеров, бросали в них камни и кричали вслед самые оскорбительные ругательства. В разговорах между собою матросы любили сообщать все подобные случаи, издеваясь над слабостью и трусостью начальства. С каким удовольствием матросы «Князя Потемкина» рассказывали, напр., историю о молодом мичмане, загнанном 3 ноября матросом во двор казармы; не найдя лучшего оружия в свою защиту, он кричал: «Ой, мама, мама!» Матросы, очевидцы этой сцены, покатывались со смеху и забрасывали несчастного офицера саркастическими замечаниями: «Ага, каналья, здесь ты прячешься, а на броненосце умеешь быть храбрым!» А другой добавляет: «Если он бежит от матроса, то что же он сделает, если встретится с японским броненосцем?». Нужно сказать, что офицеры сделали все, чтобы укрепить среди матросов ненависть к себе. Во время бунта они прятались по всем углам. Сам адмирал Кригер, после неудачной попытки скрыться во дворе, должен был отступать под градом камней под защитой Матюшенко<sup>1)</sup>, а главный адмирал Чухнин благоразумно направил свой путь в херсонесский монастырь. До какой степени матросы не доверяли ни в чем своему начальству, можно судить по следующему факту. В конце мая или в начале июня командир «Кн. Потемкина» приказал раздать матросам брошюры о предохранительных мерах против холеры. Я впоследствии имел в руках экземпляр брошюры популярной гигиены, изданных «Обществом русских врачей». Раздача этой брошюры была делом вполне естественным в виду шума, поднятого возможным появлением холеры. Но матросы, видя от начальства только надругательства, и на этот раз об'яснили распоряжение совсем другими мотивами. Офицеры-де хотели во что бы то ни стало убедить матросов в неизбежном появлении холеры, чтобы дурной-де пищей искусственно вызвать болезнь среди экипажа и тем сломить энергию к сопротивлению матросов. Несчастное совпадение укрепило в головах матросов эти подозрения: во время распространения названной брошюры на броненосце свирепствовала дизентерия<sup>2)</sup>. Рядом с этой историей стоит упомянуть о легенде, которая распространялась тогда в Севастополе оставшимися в живых офицерами с «Князя Потемкина»: они уверяли, что матросы, пошедшие за провизией, нарочно купили мясо дурного качества, чтобы вызвать бунт среди товарищей. Из-

<sup>1)</sup> Будущий герой «Кн. Потемкина» был в этот день дежурным: от него мы узнали большую часть фактов, относящихся к бунту 3-го ноября.

<sup>2)</sup> Показания Шестидесятого, члена революционного комитета на «Князе Потемкине».

вестно между тем, что провизию покупал один из офицеров, лейтенант Макаров<sup>1)</sup>.

Мы почти не встречали матроса с «Кн. Потемкина», который не подвергался бы наказанию под тем или другим предлогом: один запачкал палубу, другой поздно вернулся, третий прочитал безбидную книжонку, не просмотренную начальством, пятый был недостаточно расторопен и т. д. Для иллюстрации, напомним случай с машинистом Резниченко, которому за чтение несмотренной брошюры в течении 3 месяцев сокращали жалованье с 12 рублей до 55 коп. в месяц (как выражались матросы, — «переводили на оклад»). Ковалев, также машинист, за тот же «простушок» должен был тридцать часов стоять под ружьем.

Другое зло, вызывавшее жалобы матросов, была пища. Не раз она служила поводом к протестам и заявлениям, между прочим, и во время смотра вице-адмирала Верховского. Этот смотр происходил в начале русско-японской войны; матросы различных экипажей, в том числе и потемкинцы, изложили свои требования и жалобы. Они не стеснялись, так как вице-адмирал к ним явился один, сопровождаемый своим адъютантом. Кроме пищи, матросы жаловались еще на скверное обращение и плохую одежду. Многие из них, в присутствии Верховского, без малейших усилий обрывали подошвы на новой обуви, чтобы показать дурное качество материала, из которого она шита. Ученики машинной команды «Синопа», из которых многие перешли позднее на «Потемкин», помимо прочих жалоб выставляли еще нечестность своего командира. Его обвиняли в присвоении жалованья, назначенного им «Обществом русского торгового добровольного флота» за то время, когда они, по приказанию начальства, временно заменяли забастовавших механиков и собственного командира. «Это из экономии на нашей пище он себе выстроил три хороших домика в Севастополе», говорили многие из них. Больше всего они страдали от ругательств и оскорблений всякого рода, унижавших их человеческое достоинство. Они негодовали при мысли, что юный «молокосос-офицершишко», едва выскочивший из школы, позволяет себе кричать, оскорблять словами и действиями старых матросов. Нужно было видеть, с какой надменной гордостью так называемые аристократы третировали подчиненных, чтобы понять всю силу ненависти, которую последние питали к начальству.

В некоторых общественных садах была варварская надпись: «Вход строго воспрещается собакам и... нижним чинам». Адмирал Чухнин сумел придумать для севастопольских матросов правила, ставившие их еще ниже собак. Приказом за № 184 от 29 апреля 1905 года матросам запрещалось, «под страхом заключения в тюрьму», ходить по двум бульварам, двум аллеям и одной улице. Несколько дней спустя, группа увечных матросов, вернувшихся из Порт-Артура, отправилась на один из этих бульваров — Исторический — где находился памятник осады Севастополя в 1855 г. Они здесь наткнулись

<sup>1)</sup> Эту странную версию, данную офицерами «Кн. Потемкина» на следствии о деле последнего, передает сам Фельдман, отчаянный побег которого из военной тюрьмы в Севастополь, куда он был брошен до суда над «Потемкинским», был описан в газетях.

<sup>2)</sup> Показание Шевченко, члена революционного комитета «Кн. Потемкина», старого матроса с «Синопа».

на офицера, обратившегося к ним с грубым окриком: «Как вы смеете здесь гулять? Вы знаете, что на этот бульвар вход нижним чинам воспрещен?». Один из более смелых возразил: «Разве мы не имеем права ходить по родной земле, за которую мы проливали свою кровь? — «А! ты еще разговариваешь, каналья!» И несколько звонких ударов дали почувствовать вернувшимся на-днях «героям-матросам» все прелести благородной родины.

В короткий промежуток, в 5—6 лет, чувство собственного достоинства сильно выросло у матросов. Я имел возможность убедиться в этом, благодаря близкому знакомству с матросами различных наборов на «Кн. Потемкине». Старые матросы 5-го и 6-го годов отзывались о молодых товарищах первого и 2-го года с некоторым недоверием. Такое отношение было справедливо лишь к некоторой части и вызывалось тем взглядом, который они имели сами, когда поступали на службу во флот. Но часто случалось, что из молодых новобранцев иные принимали уже участие в той или другой стачке, и поступали в армию с другими взглядами и чувствами, чем их предшественники. Могучий толчок, данный рабочим движением, пробудил в матросах надежду на новую жизнь, лучшую и свободную. По условиям труда броненосец, в сущности, тот же плавающий завод: матросы ближе всего стоят к рабочему классу.

Многие матросы слышали уже о социал-демократии, когда они работали при постройке судна в Николаевской верфи. Работая под одной крышей, они неизбежно соприкасались с вольными рабочими, из которых многие уже были затронуты социалистической пропагандой. Но в непосредственное сношение с соц.-демократической партией 36-й экипаж — служивший на «Кн. Потемкине» — вступил в Севастополе, где организации пустили уже прочные корни в военном флоте<sup>1)</sup>. Вполне понятно, что сравнительно немногие матросы могли поддерживать непосредственную связь с революционерами. Среди потемкинцев мне насчитывали не более 15—20 матросов, посещавших изредка тайные социалистические собрания, специально организованные для матросов. На этих собраниях, — в революционной терминологии называвшихся летучками, если они малы, и массовками, если они более многочисленны, — присутствовали матросы всех пятидесяти военных судов, находившихся в Севастополе. Сначала редкие, они становились все чаще; последние четыре месяца перед восстанием они происходили почти каждое воскресенье (с 10 ноября до 25 марта было 11 собраний). Число матросов, принимавших в них участие, с 30 возросло до 300—400. Чтобы избежать неприятных неожиданностей, собирались за городом, в лесу, на возвышенности, близ Малахова кургана. Матросы отправлялись туда маленькими группами, шли сначала по Большой Инкерманской дороге, а затем расходились по узеньким тропинкам. Расставленная повсюду стража возвещала, свободен ли путь. Наконец, добравшись до известной полянки, располагались, как хотели. Начинались речи. Ораторы, нередко женщины, объясняли матросам причину существования невыносимого, гнетущего строя, указывали средства его уничтожения, средства к освобождению всей страны. За речами шли прения, беседы, рассказы, и, наконец, приняв обычную резолюцию, собрание расходилось с пением революционных песен. Чтобы иметь представление о вопросах, которые об-

<sup>1)</sup> С социалистам-революционерам в самом начале удалось организовать несколько кружков среди матросов, но затем это дело перешло, главным образом, к социал-демократам.

суждались на таких собраниях, достаточно привести текст одной из резолюций:

«Мы, матросы черноморского флота,—начинается резолюция, помеченная 20 марта,—собравшиеся в количестве 194 человек, присоединяем свой голос к голосу русских рабочих, представленных их передовым отрядом—русской социал-демократической рабочей партией, и требуем отмены самодержавного режима и замены его демократической республикой. Мы убеждены, что только созыв учредительного собрания на основе всеобщего, равного, прямого избирательного права тайной подачи голосов может утвердить самодержавие народа. Мы знаем, что правительство предприняло войну, имея в виду личные интересы. Вот почему мы требуем ее немедленного прекращения. Присоединяя свой голос к голосу России, пробудившейся к политической жизни, мы уверены, что нашему примеру, примеру протеста черноморского флота, последует вся русская армия. Должно, наконец, знать, что последняя его опора рухнет. Наше освобождение близко, и мы зовем в наши ряды, в ряды нашей партии, всех, кого преследует и давит самодержавие. Борьба наша не прекратится до тех пор, пока человечество не освободится от эксплуатации капиталистов-пауков. Мы боремся за социализм. Долой самодержавие! Долой войну! Да здравствует учредительное собрание! Да здравствует демократическая республика! Да здравствует российская социал-демократическая рабочая партия! Да здравствует социализм!»

К этой резолюции присоединилось еще 150 матросов, не присутствовавших на собрании.

Пропаганда среди остальных матросов велась путем брошюр и, главным образом, прокламаций.

Нужно заметить, что матросы обращались в севастопольский комитет с просьбой о прокламациях, написанных специально для них. Комитет охотно исполнял просьбу. Как только было замечено, что пропаганда среди матросов идет успешно, комитет старался освещать каждый более или менее важный случай из жизни флота. Так, спустя 2—3 дня после бунта, когда матросы утром встали и вышли во двор, они нашли его усеянным печатными листками, касавшимися последнего события. Севастопольский комитет убеждал матросов придать своему протесту определенный политический характер. Эта прокламация была разбросана в числе 1.800 экземпляров. В общем, с начала ноября до начала апреля комитет распространил всего 12.000 экземпляров листовок. Вот заглавия некоторых из них: «Пора кончать», «Солдатская памятка» (в 2.800 экземпляров), «Две Европы», «Кто победит», «Смерть тиранам», «Царский манифест» (9-го января) и т. д., и т. д. Как видно, часть этих прокламаций относилась к русскому режиму вообще, другие касались специально матросов. В них рисовали условия жалкого существования матросов в противовес преимуществам и удобствам, которыми пользовались их офицеры.

Специальные листки были разбросаны по поводу отъезда 800 матросов в Либаву, другие—во время процесса 30 матросов, арестованных в качестве «зачинщиков» во время бунта 3 ноября. Одновременно с этими частными случаями, выдвигались и общие вопросы: о войне, о положении рабочих и крестьян, о русском политическом строе и т. д. Немедленное прекращение войны—это был, как мы уж говорили, один из самых популярных лозунгов социалистической пропаганды среди матросов. Наиболее сме-

лые из них советовали, в случае призыва, отказываться ехать на Дальний Восток. Особенно сильное впечатление произвел на матросов листок с «требованием матросов», напечатанный социал-демократическим комитетом, по составленный и подписанный «матросами и учениками броненосца «Екатерина II», соединенными с русской с.-демократической рабочей партией». Это был уже сигнал к более решительным действиям, явившийся в результате Цусимского поражения.

Выдвигались требования гарантировать матросам права человека и гражданина. Во главе этих требований стоит отмена титулов, с которыми солдаты должны обращаться к своим офицерам, и отмена обычая отдавать честь офицерам. Все проступки матросов подлежат обычным судам. Если существуют военные суды, они должны состоять наполовину из офицеров, наполовину из матросов, выбранных товарищами.

Право выбора судей должно быть неприкосновенно. Судьи-матросы пользуются теми же правами, как и судьи-офицеры. Целый экипаж, как коллектив, подобно отдельному солдату, имеет право привлечь к суду своих офицеров. Эта и другие прокламации были распространены в сотнях экземпляров. Когда матросы находились на судах, листки разбрасывались и здесь. В день Рождества потемкинцев ожидал сюрприз: просыпаясь, все нашли на одеялах и под койками социал-демократические прокламации. Каждый стал собирать «голубей»,—как они их называли, «искать укромного уголка», чтобы прочесть их. Потом начали собираться кучками и в продолжении нескольких дней толковали о прочитанном. Быть может, не всегда все понималось. Даже иногда,—на что потемкинцы жаловались в письме, о котором речь будет дальше,—они говорили, что в листовках много выражений, совсем непонятных для большинства матросов, и просили заменить их другими. Но эти листочки, маленькие, незначительные, часто неразборчивые, напечатанные в тайных типографиях, на примитивных станках, делали свое революционное дело. Они были живым доказательством существования тайной, неуловимой партии, вставшей перед одинокими, забитыми матросами, чтобы выслушивать их жалобы и сочувствовать их страданиям. Люди этой партии братски протягивали руку матросам, как равным себе, отдавали им свои средства, время и жизнь и звали их на общую борьбу против врага всего рабочего класса. Нельзя требовать от пропаганды, обладающей такими ограниченными средствами, чтобы она превратила матросов в сознательных социалистов. Она сделала много, придав их неопределенному недовольству политический характер, популяризируя среди них лозунги социалистической программы-минимум.

Прежняя беспорядочная борьба матросов стала теперь сознательной. Они признали над собой партию и ее программу. «Нас здесь 300 соц.-демократов, готовых умереть». Этими словами меня встретил Матюшенко, когда я в Констанце взошел на «Князя Потемкина». Эти 300 соц.-демократов, быть может, даже не знали всего, чего хочет их партия, но тот факт, что они могли считать себя членами партии, давал им безграничную веру в собственные силы.

Вступив на этот путь с пробудившейся энергией и инициативой, матросы находили в себе самих то, чего им не могли дать прокламации. Они пополняли свое политическое воспитание наблюдением фактов окружающей жизни, чтением газет, брошюр и книг, дозволенных их офицерами. Руководимые

ненавистью к деспотизму, они открывали революционные идеи даже в религиозных книгах. Кто ближе знал повседневную жизнь на «Кя. Потемкине», слышал речи, которыми обменивались, вопросы, которые дебатировались, тот вынес бы впечатление интенсивнейшей духовной жизни. Это был улей трудолюбивых пчел, деятельности которого каждый способствовал по мере своих сил. На судне находилось около 30-ти штудистов; они здесь проповедывали пассивное уклонение от войны, отказ стрелять в «существа, сотворенные Богом». Почти каждое воскресенье между ними и командиром Голиковым, который нарочно держал их на юте, происходили назидательные разговоры: «Ну, что, подумали ли вы об обязанностях солдата? Поняли ли вы теперь, что нужно стрелять в врага, если начальство приказывает?»—«Нет, нам нельзя убивать людей».—«Кто научил вас этим глупостям?».—«Наш учитель—сам Иисус Христос».—«Я спрашиваю, где вы этому научились?».—«В евангелии».—«Зачем же вы носите ружье, если решили никого не убивать?».—«Только для упражнения»<sup>1)</sup>. И Голиков ухаживал от «евангелистов», рассерженный, что разговоры ни к чему не привели. Беседы эти происходили в присутствии матросов и вызывали среди них горячие споры.

Среди матросов были выдающиеся характеры, не игравшие видной роли, только благодаря социальным и политическим условиям страны. Первое место среди матросов принадлежало Никишкину не только потому, что он героически погиб в Феодосии, а, главным образом, за его огромное влияние на товарищей. На судне он был кочегаром, но, в действительности, Никишкин имел призвание проповедника или народного трибуна. Обладая замечательной памятью, он пересыпал свою речь цитатами из различных авторов. Это он ввел в моду такие проповеди, которые начинались стихом из евангелия и кончались революционным гимном. Иной раз его товарищи бывали принуждены останавливать его ораторские порывы,—настолько он увлекался своим творческим талантом.

В другом роде тип встречаем в лице Звенигородского, механика-ученика практической школы, наиболее развитого среди матросов. Сын журналиста, он сам сочинял газету, в которой описывал бедствия и страдания матросов, и читал ее вслух товарищам. Благодаря его деятельности, многие из лучших матросов, как, напр., Резниченко, сделали революционерами. «Как часто,—рассказывал мне Резниченко,—мы спорили целыми часами, прислонившись к борту корабля и устремив взоры на тихую поверхность воды». Но, кроме этих двух, мы можем перечислить целый ряд деятельных людей, как Матюшенко, Резниченко, Курилов, Дымченко, Макаров, и еще много других. Этот мир обсуждал и интересовался теми же фактами и событиями, которые взволновали всю Россию.

«Идите, идите, есть интересные новости»,—кричал в одно утро Никишкин, бывший накануне в городе. Когда вокруг него образовалось около 40 матросов, он открыл евангелие и стал, как с ним часто случалось, читать совсем не из божественного. На этот раз у него была вырезка из либеральствующей газеты «Рассвет», аккуратно заложённая между листами евангелия. Корреспондент газеты из Мукдена рассказывал случай, как молодой офицер бра-

<sup>1)</sup> Показание Степана Воронко, евангелиста, служившего в артиллерии на «Кя. Потемкине».

нил на вокзале генералов за их трусость. Это был удобный случай для матросов нападать на начальство и издеваться над их ничтожеством. Другой раз Никишкин прочитал из пьесы Горького «На дне» революционные рассуждения одного из жителей кабака Василисы: «Ваш закон, ваша истина, ваша справедливость другие, чем наши» и т. д. Различные новости, отрывки из разных авторов слышались во всех углах и закоулках броненосца, при чем всех слушателей Никишкина волновали одинаковые чувства. Слова переходили в действия, коллективные протесты сделались частым явлением; их подавали обыкновенно вечером, после молитвы, перед сном. После этой церемонии, происходящей на юте, матросы не расходились, несмотря на команду вахтенного офицера. Начинаясь общий ропот; тогда один из более смелых, в задних рядах, решался подвять голос и выкрикивал те или иные требования. Когда все было сказано, матросы расходились.

3 ноября протесты матросов в первый раз приняли угрожающую форму мятежа. Фонари во дворе (это было вечером), окна казарм, контор и офицерских квартир, расположенных во дворе, в минуту превратились в осколки. Офицерам, спрятавшимся повсюду, даже в ватер-клозетах, удалось ускользнуть от гнева матросов. Солдаты, призванные из соседних казарм, отказались стрелять. Наконец, матросы и унтер-офицеры, ученики судна «Память Меркурия», несколькими залпами рассеяли бунтовавших. Тогда, в наказание, порешили всех матросов посадить на суда, что и было исполнено через 2—3 дня после бунта. Но здесь, на судах, конфликты возникали еще чаще. Матросы «Екатерины II» грозили утопить броненосец, если им не уплатят половинное жалованье по военному времени, которое полагается матросам на судах. Это требование, впрочем поддерживалось экипажем всех других броненосцев, в том числе и «Потемкина». Они выиграли дело. Точно так же было исполнено и другое требование—перемешать качество хлеба. Матросы-революционеры, поддерживающие требования об улучшении в режиме матросов, в результате этим увеличили и укрепили свое влияние. Обычно они бывали инициаторами всяких протестов и увлекали своим примером перешитых и несознательных. Некоторый достигнутый ими успех и относительная безнаказанность, которой они пользовались, ободряли их следовать дальше по начатому пути.

Но более всего их поощряла война, обнаружившая бесчисленные дефекты в армии и во флоте. Матросы, как и следовало ожидать, сваливали их всецело на неспособность и трусость начальства. Потеряв всякий авторитет, последнее перестало внушать страх и уважение. Для матросов стало ясно, что решимость ведет к победе, и они сделались смелы. Возражения на замечания командира или другого офицера, серьезный проступок против дисциплины сделались делом обычным. Акты неповиновения были нередки и—что еще более характерно—матросы старались шумно обнаруживать свое одобрение неповиновавшимся. Подобный случай был при заключении в карцер матроса Фурсаева, новобранца, которого другой новобранец назвал владельцем найденной у него прокламации во время обыска, сделанного командиром Голиковым. Фурсаев притворился безграмотным, отрицал, что знал о содержании прокламации, и наотрез отказался назвать товарища, который ему ее дал. Он был посажен в карцер на судне, но все матросы, перед носом Голикова, ходили его навещать, носили ему папиросы и маленькие подарки.

В атмосфере, в которой уже носился дух мятежа, при полном упадке дисциплины, родилась мысль о всеобщем восстании. Кем, где и когда она была высказана впервые? Как все популярные идеи, она не имеет ни автора, ни места, ни времени возникновения. Очень вероятно, что относительная легкость и большая надежда на успех, которую представляло восстание на судне, при наличии горсти сплоченных матросов, внушили одновременно нескольким матросам мысль о восстании. Уже во время бунта 3 ноября матросы обращались в соц.-дем. комитет с вопросом, будет ли своевременно превратить мятеж в организованное восстание. Комитет советовал отложить восстание до более благоприятного момента. Итак, идея революционного выступления до более благоприятного момента. Позднее, когда поднялся слух о еврейском погроме, организованном в Севастополе полицией, в город ушли самовольно 150 вооруженных матросов и объявили, что присоединятся к 500 рабочим для защиты евреев.

Дальнейшие события еще более укрепили в умах матросов мысль о восстании. События 9—12 января в Петербурге вызвали сильное волнение в их среде. Многие из них рассуждали, что если бы у них явился такой поп Гапон, то правительство так легко не отделалось бы. И мысль о восстании стала дебатироваться и пропагандироваться на все лады. «Матросская централка», т.-е. центральный комитет матросов, во главе с представителями от революционеров всех судов, начал серьезно выработать план восстания. Это было дело нелегкое. Проект вызывал множество практических вопросов: как быть с офицерами? убить ли их, или арестовать? какие последствия будет иметь восстание в случае победы и в случае поражения? не вызовет ли оно раздробления России? Каждый матрос высказывал свои соображения. В письме, отправленном потемкинцами в севастопольский комитет, за несколько дней до отъезда на остров Тендер, они требовали ответа на все вопросы, вызывавшие сомнения. Но поражение при Цусиме, особенно, известие о казни 40 матросов эскадры Небогатова у Шанхая—сообщение из русских газет—переполнили чашу терпения матросов. Все говорили: «Если нам суждено умереть, то, вместо того, чтобы пасть от руки начальства, или японцев, пожертвем жизнью за освобождение России». И идея восстания приобретала все больше сторонников.

Здесь возникает вопрос: сколько на «Кн. Потемкине» было матросов, посвященных в план заговорщиков? По крайней мере, половина. Действительно, матросы-революционеры вовсе не держали в секрете своего плана: они соблюдали только известные предосторожности. По следующему факту можно судить о их смелости: однажды, когда все офицеры одного небольшого военного судна уехали в город на свадьбу, матросы устроили на нем революционный митинг.

Я обращался к некоторым, наименее сознательным матросам, желая узнать, был ли им заранее известен план восстания и как они о нем узнали. Ответ был один: «Я слышал от товарища по службе, а он от другого товарища». В сущности, главная трудность заключалась в том, чтобы приучить умы матросов к мысли о восстании, а это достигалось намеками следующего рода: матрос, напр., жалуетса на грубое обращение «чорта» Голикова; ему отвечают: «от тебя зависит избавиться от него». При этих словах матрос широко открывает глаза.—«Конечно»,—продолжает собеседник,—«если мы все сговоримся, то справимся живо с нашим драконом».

Весьма вероятно, что и офицеры слышали о затеваемом; достоверно известно, что среди матросов имелось около тридцати шпионов. Они получали вознаграждение от Голикова, сообщая ему все, что знали и слышали. Но Голиков был бессилен. Трудно было найти членов потемкинского революционного комитета. Как сильно Голиков к этому стремился, видно по настойчивости, с какою он добивался признания от Фурсаева, откуда тот взял прокламацию. Он даже *обещал ему сто рублей*, если он укажет, кто ему дал листок. Не будучи в состоянии поймать кого-либо из членов, он нередко жестоко преследовал случайно подозреваемого матроса. Так, напр., он высадил матроса Бородину и 5 его товарищей по подозрению в пропаганде; он грозил сделать то же с другими матросами, но неуверенность мешала Голикову действовать решительно.

Все попытки командира «Кн. Потемкина» обычными мерами водворить дисциплину на броненосце кончались неудачно. Некоторые из мер были просто смешны, другие—бесполезны, или вызывали совершенно обратное действие. Чтобы заручиться симпатией матросов, он великодушно разрешал музыкантам устраивать оркестр, думая старыми песнями о героях-матросах, получивших за послушание и храбрость георгиевские кресты, отвлечь и усмирить мятежников. Эти затеи вызывали среди матросов смех, а меры строгости их раздражали. Последние заключались, главным образом, в лишении матросов свободного времени. Обычно матросы имели обеденный отдых в три часа (от 11 до 2 час.) и в неделю два свободных дня на стирку белья. Командир лишал их этих двух дней, а обеденный отдых сокращал на половину. Чтобы найти время для стирки, матросам приходилось сокращать время сна на несколько часов.

Какую же цель преследовала эта мера? Очевидно, лишить матросов возможности собираться и рассуждать. В виду этого, им даже запрещали читать газеты и журналы, и с большим трудом разрешали уходить в город. Голиков, почевавший раньше часто в городе, теперь не покидал судна. Часто он ночью обходил все спальни, чтоб посмотреть, чем заняты матросы. «Отчего этот гамак пустой? Где матрос Х.?» «Он—дежурный, в. в.»—отвечает его сосед (а матрос Х. беседует с товарищем в темном углу). Драконовские меры командира вызывали нередко протесты; особенно шумный произошел за 2—3 дня до праздника Троицы. В самый праздник Голиков счел нужным покончить этот скандал речью о дисциплине, произнесенной, когда матросы, после утренней обедни, находились на юте. В своей филиппике против неповиновения, намекая на день злосчастного бунта, Голиков рассказал матросам о мятеже, происшедшем лет 20 тому назад, на крейсере «Светлана», на котором он в то время сам находился; мятеж окончился смертной казнью многих из матросов. «Вот что ждет матросов, забывших дисциплину»,—закончил Голиков. «Боже, боже, как он глуп!»—сказал один из офицеров о Голикове.—«Действительно»,—заметил другой,—«разве теперь время произносить такие речи?» В самом деле, после поражения при Цусиме, легкомысленны были такие слова. Приучая матросов к мысли о возможности смертной казни, он сам же смягчал их страх перед результатами и последствиями восстания.

«У нас, на судне, все заражено революционной пропагандой, все, включая и унтер-офицерских чинов»,—озабоченно говорил Голиков жандармскому полковнику, явившемуся на «Потемкина» по поводу истории с новобранцем





# НОВЫЙ МИР

ЛИТЕРАТУРНО/  
ПОЛИТИЧЕСКИЙ  
И НАУЧНЫЙ  
ЖУРНАЛ

10

1 9 2 5

---

## Восстание на броненосце „Потемкин“ \*).

(Воспоминания Х. Раковского).

### Восстание.

**К**нязь Потемкин Таврический, первый броненосец в мире, поднявший красное знамя, составлял наиболее крупную боевую единицу русского черноморского флота <sup>1)</sup>.

Выстроенный по типу «Трех Святителей», он превосходил артиллерией, машинами, снабженными электрическими моторами, и, наконец, более толстой броней. Его начали строить, еще в 1899 году, на верфи в Николаеве, а окончили и спустили на воду только в 1904 году, в октябре; работы по вооружению продолжались до настоящего, 1905 года. В мае месяце будущий революционный броненосец делал первые опыты стрельбы; настоящее же артиллерийское испытание было назначено в июне месяце, в бухте Тендер. Здесь, на скалистом пустынном острове, естественные батареи и валы должны были служить точкой прицела для артиллерийских упражнений «Потемкина». Специальными экспертами на этот случай были присланы поручик артиллерии от военного министерства и подполковник—представитель казенного металлургического Обуховского завода, где были отлиты пушки. После испытания, «Князь Потемкин» должен был присоединиться к Севастопольской эскадре и сейчас же отплыл на большие маневры, происходившие ежегодно, в одно и то же время, в бухте Тендер.

Отплытие броненосца было назначено на воскресенье 12 июня. Действительно, в этот день, в 2 часа пополудни «Кн. Потемкин» сделал запас из 2000 как боевых, так и учебных снарядов, для опытов, снялся с якоря, медленно поплыл по рейду среди остальных судов и вышел из порта, сажотуя и сигнализируя по всем правилам. Вышедши в море, он сперва обогнул высокие живописные скалы Севастополя и, развив в машинах нормальную скорость, пошел по направлению к Одессе, где и находилась вышеупомянутая бухта. Волнение, шум и суета, сопровождавшие отплытие парохода, сменились пол-

<sup>1)</sup> «Князь Потемкин» длиной в 113 метров, шириною в 22 метра, имеет водоизмещение в 12.500 тонн и максимальную скорость в 16 узлов. Вооружение его состоит из пяти минных аппаратов и 48 пушек, из них 4 в 305 мм. и 12 в 160 мм.

\*) Оценочные. См. № 9.

ной тишиной. Вахтенный офицер стоял на мостике; командир судна пошел в адмиральскую каюту, часть офицеров отправилась спать в свои каюты, другая часть оставалась в кают-кампании, где стояло пианино, для любителей музыки. Матросы делали тоже самое. Кто был дежурный ночью, пользовался, по своему усмотрению, свободным временем; товарищи, занятые днем, работали каждый на своем посту. В плавающем судне работа, главным образом, если не исключительно, сосредоточена на машинном отделении. И на «Потемкине» машинное отделение, в некотором роде, играло роль революционного клуба. В данный момент в клубе царил необычайное оживление. Накануне отъезда, к потемкинцам явились гости—товарищи с «Екатерины II» и «Синопа»; они хотели узнать мнение матросов насчет восстания. С тех пор как определился план последнего, происходили частые совещания между революционерами заинтересованных судов. Здесь продолжали обсуждать средства и меры к восстанию уже решенные на собрании центрального комитета матросов, где кроме последних, присутствовали и представители севастопольского соц.-демократического комитета. Один темный пункт всех сильно беспокоил: как будет держать себя «Князь Потемкин»? На броненосце было, конечно, многочисленное ядро преданных революционеров; но большое число повобранцев, находившихся на судне, внушало серьезные опасения. Нужно заметить, что на совершенно новом судне экипаж состоял, большею частью, из матросов первого года, недавно явившихся из городов и деревень и еще «мало обработанных». Поведение «Потемкина» имело большое значение; если бы он отказался от восстания оно почти наверняка окончилось бы неудачей. Все броненосцы, вместе взятые, исключая «Трех Святителей», не стоили одного «Потемкина». Чтобы в этом убедиться, достаточно знать, что его 305 мм. пушки, благодаря усовершенствованному механизму, могли давать шесть ударов в минуту, между тем как пушки на других броненосцах давали один выстрел в течение семи минут. Матросы-революционеры на «Потемкине» не разделяли, однако, опасений товарищей; двое из них—Звенигородский и Резниченко, с согласия товарищей, отправили письмо в севастопольский комитет, предлагая ему дать сигнал к восстанию уже в первые дни морских маневров. Соц.-демократический комитет, после совещания с центральным комитетом матросов, советовал отложить восстание до конца маневров и употребить время пребывания в Тендере на усиленную пропаганду среди матросов. Такое же мнение высказывали матросы с «Екатерины II» и «Синопа», явившиеся на «Потемкина». После долгих разговоров единогласно постановили, что революционный комитет «Потемкина» созовет на Тендере, в лесу, общее собрание матросов. Если оно выскажется за ближайшие действия, то будет выбран день для восстания. Решение будет сообщено другим судам, когда «Потемкин» 15 июня придет в Севастополь, чтобы забрать с собою остальную эскадру. Здесь следует заметить одну черту из психологии матросов. Я говорю о духе соревнования между экипажами различных судов, который оказал, вероятно, некоторые влияния на ход дальнейших событий. Матросы, как и весь мало культурный народ, не зная жизни, не имея политического воспитания, отличались большим простодушием. Их поступками часто руководили самые непосредственные чувства. Что в них было особенно сильно, это—корпоративное самодлюбие. Матросы «Потемкина», быть может, с некоторой завистью относи-

лись к факту, что комитет избрал, для поднятия восстания и руководства им, броненосец «Екатерину II», считая его наиболее революционным. Они требовали себе эту честь, тем более, что на общем собрании, 23 апреля, некоторые матросы других судов предложили «Потемкину» выступить первым. Но, так как по случаю дождя, много матросов не явилось на это собрание, устроенное под открытым небом, то вопрос остался нерешенным. Потемкинцы, однако, обещали товарищам других судов не начинать, пока не будет принято определенного решения.

Об этих вопросах шел разговор среди механиков—самой передовой и сознательной части матросов. Здесь подвергался новой обработке план восстания, столько раз уже дебатированный и обсужденный. Вопрос, как держать себя с офицерами, был важнее всех для матросов-революционеров,—как мы уже упомянули в предыдущей главе. Все отлично понимали, что как только сигнал к восстанию будет дан с «Екатерины II» первым делом придется избавиться от офицеров. Но какими путями? Здесь мнения расходились. Одни, преимущественно штундисты, хотели во что бы то ни стало избежать кровопролития; они советовали просто арестовать все начальство. Другие, и среди них Звенигородский,—один из наиболее влиятельных членов комитета,—говорили, что революция не обходится без жертв. Во-первых, они предусматривали, что сопротивление со стороны офицеров заставит прибегнуть к оружию; во-вторых, они думали, что убийство двух или трех, наименее популярных из них, толкнет к восстанию и самых нерешительных матросов, привыкших дрожать перед начальством<sup>1)</sup>.

Все другие пункты плана восстания, исключая времени и места, были разработаны всесторонне. Выбрали уже начальников—старшин на различные роды служб. Сговорились насчет сигналов: первым сигналом удачного восстания будет красное знамя, водруженное на месте андреевского флага. Другой вопрос, сильно заботивший будущих повстанцев, это—место и роль каждого из восставших судов. Так, учебное судно «Прут» должно было организовать десант, чтоб овладеть артиллерией севастопольской крепости. Это только в том случае, если восстание будет объявлено при возвращении эскадры с общих маневров. В разговорах матросов высказывались и обсуждались предположения всякого рода, взвешивались все шансы на успех. С серьезных вещей переходили к обычным предметам, к рассказам о повседневной жизни в казармах. Некоторые факты, передаваемые сильным, выразительным народным языком, вызвали среди матросов, взрыв смеха. Вот история с матросом учебной команды, который при меньшей находчивости был бы пойман на месте преступления за революционную пропаганду. У него явилась гениальная идея наклеить на поверхности своего сундука полдюжины портретов царей и царь, генералов и адмиралов, и несколько святых православной церкви; наверху он положил аккуратно несколько брошюр знаменитого чудотворца, о Иоанна Кронштадтского, а совсем внизу, под бельем он спрятал революционные брошюры. По доносу фельдфебеля Тышевского, следившего за матросами, капитан Шперлин сделал у вышеназванного матроса обыск, но, как только он увидел у него столько признаков монархическо-религиозных чувств, он опустил крышку сундука и не стал в нем рыться. За этой историей, шли другие. Ожив-

<sup>1)</sup> Показание Федора Ковалева, матроса-механика.

ленные разговоры, изредка прерываемые появлением боцмана, неустанно раздавались в раскаленной душевной атмосфере, наполненной специфическим запахом угольного дыма и перегоревшего масла.

Море было тихо и гладко, и таким оно оставалось в продолжение достопамятной крейсировки броненосца. В понедельник утром, 13 июня, подходили к острову Тендер. В тот же день, в 1 час пополудни, миноносец № 267, временно прикомандированный к броненосцу, поднял якорь и отплыл в Одессу, под командою поручика Клодта; за ним уехало за провизией и несколько матросов с «Потемкина», во главе с лейтенантом Макаровым. Возвращаясь вечером, в 10 часов, они в темноте наткнулись на лодку и потопили ее; владельцы ее, рыбаки, были, к счастью, спасены. С'естные припасы были переправлены на борт судна; мясо было повешено на высокое и прохладное место, на спардеке; а дежурные матросы стали помогать поварам чистить картошку и капусту для завтрашнего супа. При этом матросы, сопровождавшие Макарова, рассказали товарищам, что в Одессе происходит всеобщая забастовка, и, благодаря этому, они могли купить только часть необходимой провизии. Во вторник, в 5 час. утра, матросы, как обычно, уже были на ногах. Один из них, обратив внимание, что мясо издает сильную вонь, позвал товарища. «Ведь оно кишит червями», заметил матрос поближе рассмотревши кусок мяса. Шум быстро разнесся по всему судну, и через несколько минут вокруг мяса образовалось тесное кольцо. Посыпались всевозможные комментарии. «В Японии русских пленных лучше кормят, чем нас», заметил кто-то. «Я этого мяса не дал бы собаке», вставляет другой, презрительно поворачиваясь спиной. В это время подходит кондуктор и, скрепя руки, сердито говорит: «Как, ваши товарищи в Порт-Артуре ели собаке мясо, а вы говядиной недовольны?»—«Да разве здесь Порт-Артур?» возразили несколько матросов сразу, и жестокие обвинения, сопровождаемые меткой, энергичной бранью, которой так изобилует русский язык, посыпались по адресу офицеров, и особенно, лейтенанта Макарова. Сходка, собравшаяся в необычное время, становилась все больше и привлекла внимание вахтенного офицера. Он пошел предупредить коменданта Голикова. Спустя несколько минут, последний, в сопровождении старшего врача, явился на палубу. Врач подошел к мясу, важно надел пенсне и, как военный врач, привыкший дисциплину ставить выше здоровья матросов, заявил строго: «Это ничего не значит, время летнее. Мясо хорошее; достаточно его помыть соленой водой и удалить места, где завелись черви...» Об'яснение, данное человеком науки, вызвало ропот среди матросов. Голиков окинул их гневным взглядом. «Расходитесь!» скомандовал он. Матросы расходились медленно. «Я повторяю: расходитесь!» Дневальному Голиков приказал стоять возле мяса и записывать фамилии тех, кто будет приходить его осматривать. И народ, собравшийся со всех помещений броненосца на спардеке, вернулся к обычным делам. За работой матросы оживленно обсуждали только что происшедший инцидент. Недовольство было сильное. Поведение врача, его слова, его ответы, речи и жесты Голикова,—все это вызывало самые неучтивые толки об обоих офицерах. Со свойственным им недоверием, матросы решили, что эти господа раньше сговорились между собой, и осмотр мяса был просто комедией. Отчасти, это было справедливо. Врач хотел угодить Голикову; последний старался быть строгим, чтобы не позволять матросам «капризничать». Настоящий солдат должен есть все, что начальство сочтет нужным ему предложить. А раз он

испорченную пищу находит дурной, то это признак скверный: в нем пошатнулась дисциплина. Вполне понятно, почему Голиков остался бы крайне недоволен, если б врач стал на сторону матросов. Всякое соглашение между врачом и комендантом было излишне; оно естественно вытекает из психологии каждого из этих господ в отдельности. Мясо, которое сторожил дневальный, было назначено для следующего дня; другая половина уже варилась в котле, куда была брошена прежде, чем матросы подняли историю с мясом. Но если мясо сегодня никуда не годится, то каково оно будет завтра? На этот вопрос матрос Рыжов ответил немного наивно, но вполне резонно: «До завтра число и величина червей еще увеличится». Все были согласны, что это оскорбление и вызов, которых нельзя оставить без заслуженного ответа. Пришли к такому заключению: никто не должен дотронуться до супа. Матросы, у которых есть деньги, купят себе провизии в судовой лавке, другие будут есть сухой хлеб и воду. «Супа мы не желаем. Если он нравится Смирнову и Голикову, пусть они его сами едят». Вот лозунг, который с быстротой молнии облетел весь бак и ют.

Кто внушил эту мысль?

Матросы-революционеры не пропускали ни одного подобного случая, не воспользовавшись им для агитации против «начальства». Они даже сами вызывали иногда столкновения, в которых революционеры мерились силой с офицерами. Понятно, что инцидентом с гнилым мясом они также воспользовались, как только узнали о нем, и стали во главе протеста. Зная, что близок час решительного шага к восстанию, они хотели во что бы то ни стало избежать острого конфликта с командиром. Результатом будет только репрессии, арест наиболее влиятельных из матросов; словом дезорганизация революционного дела на «Кн. Потемкине» на неопределенное время. С другой стороны, оставить без протеста такой возмутительный факт было бы равносильно трусости и отказу от роли бесстрашных защитников матросов в столкновениях с начальством. Теперь, накануне восстания, революционеры-матросы более чем когда-либо, старались удержать свой престиж и влияние в глазах новобранцев, еще молодых и могущих легко подпасть деморализующему воздействию начальства. Взвесив все обстоятельства, революционеры остановились на промежуточном решении: отказаться от супа, не устраивая в то же время «голодной стачки». Впрочем, все матросы были настолько возмущены несправедливым обращением, что обещали немедленно и беспрекословно повиноваться данному лозунгу. То, что мы говорим, относится не только к матросам рядовым, но и ко всем нижним чинам: фельдфебелям, помощникам машинистов и кондукторам, которые, обычно, заедали матросов. Один из последних, напр., остановил матроса Козленкова, не без брани и угроз, в обнаруженном им намерении есть суп, несмотря на принятое решение<sup>1)</sup>. Когда час завтрака настал, никто не пошел за своим баком (чашкой). Столы оставались пустыми. После первого сигнала для раздачи водки, многие матросы уже начали завтракать, когда раздался второй свисток, звавший их в 11 час. за супом, они уже кончили есть и требовали у повара Данилюка приготовить им чай.

Так началась потемкинская драма.

<sup>1)</sup> Показание Козленкова, матроса с парового катера бронеоспа.

Прежде чем идти дальше, нужно заметить, что подобный случай не первый на русском военном судне. Матросам «Потемкина» была известна история на крейсере 1-го ранга, «Вереине», происшедшая в июле 1903 года, когда он возвращался из Сухума в Севастополь. Причиной и там было тухлое мясо, 5 дней висевшее на солнце и полное червей. Судовой врач Золотарев назвал его «очень питательным». Матросы собрались на палубе и, громко крича, стали требовать офицера Коскова, заведывавшего снабжением провианта.

Вахтенный офицер старался успокоить матросов, но на все его увещевания они отвечали: «Дайте нам хлеба, мы голодны, мы хотим есть». Иные, разрывая рубахи и обнажая грудь, иступленно кричали: «Прикажите нашим братьям застрелить нас». В это время мимо них проходило пассажирское судно «Пушкин». Как только матросы заметили его они начали делать знаки, чтобы он остановился и кричали: «Пушкин! дайте нам хлеба, мы голодны, мы хотим есть»... Когда они, наконец, пригрозили «Открыть кингстоны» и утопить судно, комендант формально обещал исполнить все их требования и тотчас послал офицера за новой провизией.

История этого голодного бунта невольно вспомнилась «Потемкинцам»; они говорили о ней громко.

Ни одно движение матросов не ускользало от бдительности коменданта и вахтенного офицера Левенцова. Последний лично потребовал суп, и, на вопрос командира, каков он, ответил: «Превосходен!» и сожалел, что болезнь горла не позволяет ему съесть больше.

Вахтенный офицер продолжал и дальше усердствовать. Как только он заметил, что матросы не берут своих чашек, он тотчас же доложил об этом офицеру, а тот—командиру. Несколько минут спустя, Голиков уже был на юте и, иезуитски недоумевая, справлялся на кухне о причине отказа матросов. «Матросы не хотят есть супа из-за червей...—ответил повар Денелюк:—они требуют масла и чаю».—«Созвать всех, всех без исключения». Левенцов приказал барабанщику бить к общему сбору.

Здесь начинается второй акт нашей драмы. События идут логической цепью, одно за другим, пока не разразилась катастрофа со всеми последствиями. На командира ложится всецело полная ответственность за поступки, жертвой которых пали он сам и другие офицеры. На деле, матросы воспользовались вполне законным правом. Они отказались лишь есть вызывавший отвращение суп, что сделал бы всякий на их месте, из опасения захворать. Нужно ли упоминать, что это делалось без шума и скандала.

Но как поступил комендант? Вместо того, чтобы сделать выговор офицеру Макарову, купившему мясо и выслушать основательную жалобу матросов, постаравшись их успокоить, он думал силой заставить их есть этот суп—подавить в них естественное физическое отвращение к испорченной пище, которого матросы не могли бы побороть. Голиков прежде всего был офицером русской старой школы, считавшим всякую уступку матросам подрывом авторитета и дисциплины. Он дорого заплатился за преданность устарелым принципам милитаризма.

Через несколько минут, все матросы, исключая тех, которые не могли бросить машины, выстроились, в несколько рядов по бокам юта: налево—матросы дневной смены, направо—ночной. Старшие унтер-офицеры, фельдфебели, кондуктора,—все стояли на своих местах, рядом с матросами. На минуту исчез-

нувший командир, появляется, становится на козет, окруженный двумя врачами и всеми офицерами, исключая механиков, обедавших в каюте, и обращается с речью к матросам: «Вы, кажется, недовольны супом? Хорошо, я запечатаю чашку с этим супом и отправлю в главное управление в Севастополь, но предупреждаю вас, что ничего хорошего для вас не выйдет. Я говорил уже вам и повторять не буду, что ждет матросов, забывших дисциплину. За это вашего брата вон там вешают»... И он пальцем указал на фок-мачту. При последней угрозе, матрос Борчан, стоявший в задних рядах, отпустил по адресу коменданта: «тпру!»... как будто, он хотел остановить слишком зарвавшуюся лошадь. «Что ты делаешь, дурак?—сказал ему сосед Матюшенко:—ты нас всех подвергаешь опасности». Комендант на минуту остановился, наблюдая впечатление своих слов, а затем продолжал: «Пусть те, которые согласны есть суп, станут сюда».

Кондуктора и двое-трое унтер-офицеров выступили вперед; остальные матросы, унтер-офицеры и фельдфебели, остались на местах.

«Ну-ка, ну-ка, спешите и вы!»—кричал расшаривший командир. Никто не трогается. Из задних рядов раздавался ропот и протесты.

«Ешь сам, дракон!»—заметил кто-то. Замечания делались тихим голосом и не доходили до ушей коменданта, но последнему и без того было слишком ясно, что матросы решили оказывать пассивное сопротивление. «Ага, вы не желаете повиноваться? я вам покажу! Виновники от меня не уйдут...»<sup>1)</sup> Пронзительным, резким голосом он отдал приказ вызвать караул. Среди матросов началось общее движение. «Бесповелево упорствовать», заметили некоторые. «Выйдем из рядов и пойдем все в сторону башни»,—сказал Матюшенко и один из первых сделал несколько шагов к башне, окружавшей двенадцатидюймовые орудия. Все последовали его примеру. С левой стороны уже не оставалось никого; на правой стороне было еще человек 20—30 из задних рядов, не успевших присоединиться к товарищам.

Но в этот момент произошло событие, с которого начинается третья фаза конфликта. Старший офицер Гиляровский, наблюдавший внимательно, стоя рядом с Голиковым, вдруг отдал приказ оставшимся матросам не трогаться с места. «Нет, уже достаточно, оставайтесь здесь»,—кричал он и, чтобы приказ его был исполнен, он вместе с вахтенным офицером Левенцовым заградил им дорогу. Гиляровский, вероятно, действовал по приказу командира, но он мог так поступить и по собственной инициативе. Вернувшись всего несколько месяцев тому назад с Дальнего Востока, где он участвовал в сражении при Чемульпо, Гиляровский, за кратковременное пребывание на броненосце, обнаружил грубость, властолюбие и крайнее честолюбие. Он арестовал на три дня матроса, донесшего на своего товарища Фурсаева (история с прокламацией) за то, как мне говорили матросы, что он сделал донос прямо командиру, а не ему, старшему офицеру<sup>2)</sup>. В разговорах с офицерами он, однако, либерализм, браня «неспособных», доведших Россию до полного расстройств. Он даже обещал, после окончания войны и поражения японцев, самому отправиться в Петербург с топором в руках<sup>3)</sup>, чтобы наказать министров. Либерализм его

<sup>1)</sup> Показание Шестидесятого, члена Революционного Комитета; заметки Матюшенко и проч.

<sup>2)</sup> Показание Розниченко, члена Революционного комитета.

<sup>3)</sup> Слова, переданные офицером-механиком Коваленко.

был чисто показным: в своих отношениях к матросам он был офицер, требующий от подчиненных слепого, беспрекословного повиновения. Поэтому, весьма вероятно, что Гиляровский, по собственной инициативе задержал 30 оставшихся матросов, желая превзойти усердием самого командира. Как бы то ни было, последний помогал ему в охоте за матросами. Когда некоторые из них хотели убежать через люк, ведущий в адмиральскую каюту, находящийся вблизи того места, где происходила сцена, Голиков стал возле люка, не пропуская никого и крича: «Назад, этот вход не для вас»...<sup>1)</sup> Нужно прибавить, наконец, что как Голиков, так и Гиляровский руководствовались вполне определенным мотивом, действуя так, не иначе. Мотивом, объясняющим их дальнейшее поведение, было желание неуклонной строгостью искоренить дух непокорности и мятежа, охватывавший весь экипаж. Эту идею настойчиво проводили оба офицера. Инцидент с мясом являлся желанным случаем. С сожалением охотника, у которого из-под рук ускользнула добыча, они смотрели, как разбивается их план о внезапную покорность матросов. Желая все же дать поучительный пример, они решили случайно оставшихся матросов сделать жертвой расшатанной дисциплины.

Караул, состоящий из 27 матросов, уже был на юте. «Окружите их»,—приказал Гиляровский, указывая на кучку матросов. Понимая низкую роль, которую ему навязали, караул подвигался нехотя. «Я повторяю, окружите их!» Приказания возбужденного старшего офицера звучали тревожно и злое. «Прапорщик Левенцов, спросите их имена. Боцман, велите принести брезент». Брезент на военных судах является саваном для приговоренных к смерти.

Решил ли Гиляровский идти до конца, или думал сыграть комедию, чтобы напугать матросов и заставить их выдать «зачинщиков»,—этот секрет он унес с собой в могилу. Матросы не имели времени исследовать, что было на душе этого безумного человека. Вдали от всякого человеческого общества, куда они могли бы апеллировать, одинокие среди огромной водной пустыни, они могли ожидать всего от начальства, которому варварские законы давали полную власть распоряжаться жизнью подчиненных. И ужасная, близкая смерть встала перед их испуганными глазами. Еще минута и поднимутся ружья, раздастся сухой треск; они будут расстреляны и выброшены за борт, в море. На судне, как и в воздухе, царил гробовая тишина; это продолжалось секунду. «Братья, отчего вы нас покидаете?»...—крик отчаяния, вырвавшийся у матроса Вакулинчука, потряс матросов, собравшихся вокруг башни. Воздух наполнился ропотом, протестами, восклицаниями. «Они хотят их расстрелять. Мы не должны этого допустить. Довольно терпеть!» Несколько матросов скрылись через вход в центральную батарею.

Бунт только начинался. Гиляровский, желая, быть может, его предупредить, приказал стрелять. Здесь произошел факт, решивший едва начатую борьбу в пользу революционеров. Караул отказался стрелять. Матросы не хотели поднять руку на товарищей, с которыми их соединяло чувство солидарности, и с которыми они до сих пор делили и радости и горе. Трагическая судьба приговоренных к смерти товарищей могла ведь постигнуть и их самих. Мятежный дух, охвативший весь экипаж, заразил их. Со всех сторон раздавались

<sup>1)</sup> Показание Децисенко.

крики: «Не стреляйте, это ваши братья! Не стреляйте!». Громче всех кричал матрос, артиллерист Вакулинчук, стоявший во главе окруженной группы. Григорий Вакулинчук—старший унтер-офицер, был в глазах начальства «негодяем». Несколько раз он был наказан за смелые ответы на замечания начальства. За несколько дней до снятия с якоря судна между ним и Гиляровским произошел горячий спор, в пылу которого он угрожающе произнес: «О, это скоро окончится!»... Вакулинчук, конечно, имел в виду восстание. <sup>1)</sup> Гнев Гиляровского достиг высшей точки, когда он увидел перед собой того самого Вакулинчука, обращавшегося к матросам возле башни с явным призывом к оружию.

— Ага, ты тоже не хочешь супа?

— Разве можно есть такую гадость?

Два человека пронизывали друг друга взглядом, измеряя всю глубину взаимной ненависти.

— Стреляйте!—скомандовал еще раз Гиляровский.

— Не стреляйте, мы братья!...—произнес Вакулинчук, делая движение головой <sup>2)</sup>.

Караул стоял, не поднимая ружья.

При новом отказе ожесточение Гиляровского превратилось в безумие. Он бросается на ближайшего матроса караула Горчака, и пытается отнять у него ружье. Когда это не удается, делает вид, что вынимает револьвер из кармана, затем снова бросается к караулу и опять безуспешно; опять берется за револьвер, которого, вероятно, у него не было, или он был не заряжен. Только в третий раз Гиляровскому удается вырвать ружье из рук молодого новобранца. Вся сцена продолжалась лишь несколько минут. Вакулинчук успел решиться на крайний шаг. Со словами, произнесенными на малороссийском наречии: «До каких же пор мы будем рабами?», хватает ружье одного из караульных и исчезает позади оружейной башни. Гиляровский бежит за ним. Но прежде, чем он его догнал, до ушей офицеров, матросов и стражи долетает ужасный шум, крик человеческих голосов, стук прикладов об пол. «Кто мутит там матросов?»—кричит комендант Голиков. «Я знаю, это—каналья Матющенко!»—отвечает Гиляровский, и исчезает за башней, преследуя Вакулинчука.

Бунт в полном разгаре. Наступает четвертый, решающий акт Тендоровской драмы. Он начинается одновременно на юте, где Вакулинчук первый берет в руки оружие, и в центральной батарее.

В то время, когда Вакулинчук крикнул матросам, стоявшим близ башни: «Почему вы нас покидаете?» несколько человек, с Матюшкой во главе, вошли в центральную батарею, где находились пирамиды с ружьями. При вогласах: «К оружию! Довольно терпения! Наших братьев расстреливают. Долой тиранов! Да здравствует свобода!» часть матросов разобрала ружья, другая пошла ломать двери в патронные погреба, чтобы достать патроны. Матющенко с ружьем в руках выходит на ют, но, не имея еще патронов, он останавливается при входе в центральную батарею. Офицеры еще надеялись подавить бунт. Полковник артиллерии Неупокоев ходил с одного конца юта на другой и кричал: «Всех их под суд, всех!»... Командир Голиков приказал маленькой группе безразличных матросов, которые оставались на юте, заявлять свои имена вахтен-

<sup>1)</sup> Показание Шестидесятого.

<sup>2)</sup> Показание матроса-кочегара Рыжова.

ному офицеру Левенцову, «чтобы не смешать их с бунтовщиками». Затем он направился с другими офицерами ко входу в центральную батарею, чтобы рассеять матросов. Здесь он столкнулся с Матюшкой, который с ружьем в руках охранял вход, ожидая патронов. «Чего ты хочешь, сумасшедший? Брось винтовку!»...—крикнул командир. «Никогда, пока я жив!»—«Бросай оружие, я приказываю!» «Убирайтесь, броненосец уже не ваш; он принадлежит нам, он принадлежит народу». И Матющенко сразмаху бросил в командира снятый с винтовки штык. Пролетев мимо, штык вонзился в пол в нескольких шагах от Голикова. Тогда Матющенко бросился на него с прикладом. Голиков увернулся. От удара о палубу ружье разлетелось вдребезги. Взять другое ружье в центральной батарее и возвратиться снова на ют было для Матющенко делом одной минуты. Друг на адмиральской лестнице появилось приведение, одетое в черное. Это поп Пармен, державший в руках серебряный крест и поднимающий его к небу. «Мир с тобою, мой сын!»—«Убирайся, халдей, убирайся, пьяница!».. И Матющенко замахнулся на него прикладом ружья. Поп бросил крест, запутался в рясе и упал на пол.

Получив патроны, Матющенко первым выстрелом убил старшего артиллерийского офицера Неупокоева возле адмиральского люка. Его тотчас же выбросили в море <sup>1)</sup>.

Старший офицер Гиляровский догнал Вакулинчука позади башни, в левой части судна. Прежде чем Вакулинчук успел защититься, пуля попала ему прямо в грудь. Раненый, истекая кровью, он бросился на Гиляровского, вырвал у него ружье. Выстрелить он не успел—упал, обессиленный. Желая избежать второй пули, а может быть, под влиянием боли, он сделал сверхчеловеческие усилия, дополз до борта и бросился в воду <sup>2)</sup>. Матрос Валобуев быстро спустился по лестнице в воду и вытащил своего товарища <sup>3)</sup>.

Матющенко встретил Гиляровского в тот самый момент, когда он, выстреливши в Вакулинчука, снова вернулся на ют. Не теряя времени, он выстрелил в него, но промахнулся. Гиляровский тоже выстрелил в Матющенко и тоже—мимо. В бешенстве он кричит страже у лестницы слева: «Застрелите мне эту каналья!» Испуганный матрос бросил ружье и убежал. Гиляровский поднял заряженное ружье и, забывая на минуту своего главного врага, стреляет в стражу. Прежде чем раздался выстрел, пуля поражает его в спину, и, смертельно раненый, Гиляровский падает на пол. Думая, быть может, что рана не опасна и, рассчитывая, что выстрелив, матрос постарается убежать, не встретив сочувствия в остальных матросах, или просто по привычке офицеров действовать угрозами, хотя бы и бессмысленными, Гиляровский обратился к Матющенко с следующими предсмертными словами: «Ага, я тебя знаю, каналья! Ты убежишь теперь на сушу, но я сумею тебя найти». Матющенко возразил: «Ты не успеешь, болван. Я отправлю тебя юнгой к Макарову <sup>4)</sup>». Подобно Неупокоеву, Гиляровского выбросили за борт.

<sup>1)</sup> Записки Матющенко. В новом рассказе об этой сцене он дополнил свои первые воспоминания.

<sup>2)</sup> Показание Сергея Головлицкого, матроса, находившегося на миноносце № 267, откуда можно было видеть всю сцену.

<sup>3)</sup> Показание Валобуева.

<sup>4)</sup> Адмирал Макаров, погибший на броненосце „Петропавловск“ у Порт-Артура.

Убеждение Гиляровского, что к этому самоуправству нескольких матросов остальные не посмеют присоединиться, разделялось, очевидно, всеми офицерами. В то время, как происходила возле башни вышеописанная сцена, вахтенный Левенцов, старший врач Смирнов и другие, с револьверами наготове, подходили к каждой группе, к каждому матросу из караула и грозили убить, если кто тронется с места. В этот момент раздался ружейный залп со спардека, куда успело подняться человек 20 вооруженных матросов.

Тогда офицеры, кондуктора, унтер-офицеры, часть матросов и караульные бросились, невзирая на опасность, по адмиральской лестнице, через пушечные амбразуры, чтобы спастись в нижней части броненосца. Другие, схватив спасательные круги, прямо бросились в море. Самые смелые, наконец, взяли из козел оружие и присоединились к восставшим товарищам. Секунду спустя, ящики с патронами были на юте. С неистовством матросы бросились к ним и ножами, штыками и просто руками—у Фурсаева руки были в крови и ободраны о железо ящиков с патронами—открывали жестяные крышки. Через несколько минут бунт охватил все части судна—страшный, неудержимый ураган, грозящий все поломать и все снести на своем пути. Революционные возгласы сливались с криками мести. На ряду с возгласами: «Долой самодержавие! Да здравствует свобода!» раздавалось: «Бей их, хамов! Всех офицеров!» Все страдания и унижения,—все, что довело матросов до этого взрыва,—ненависть, злоба, презрение к своим офицерам,—все теперь вырвалось в диких, кровавых криках, взывающих о мести. Вопли наполнили воздух, и среди них изредка раздавались ружейные выстрелы. Стреляли по всем направлениям, но больше всего в воду, куда бросилось много офицеров и матросов, стараясь спастись на миноносце или на деревянный щит. «Офицеры! где офицеры? Подайте нам офицеров!..»—кричали со всех сторон, и матросы небольшими группами ходили разыскивать начальство.

«Не нужно мстить в одиночку!»—кричали более влиятельные:—нужно вывести офицеров на ют и судить их в присутствии всего экипажа.

Среди этого шума появляется поручик Вильгельм Тон. «В воду его, в воду!»—кричат матросы. Но офицер делает знак, что он хочет говорить, и бушующая толпа внезапно утихает. Тон считался офицером умным, энергичным, справедливым, хотя и строгим, и был уважаем большинством матросов. Матросы замолкли и стали его слушать. «Я с тобой хочу говорить»,—обратился он к Матющенко, который подвинулся к нему. Но потому ли, что он не верил добрым намерениям Матющенко, державшего в руках свое ружье, или потому, что считал его главарем движения, с устранением которого мятеж прекратится и матросы покорятся,—только вместо того, чтобы говорить, Тон поднимает револьвер и стреляет два раза в Матющенко. Первая пуля пролетела мимо и ранила в руку другого матроса, вторая оцарапала висок Матющенко<sup>1)</sup>. Матрос, механик Шестидесятый, выхватил револьвер у офицера, но выстрел из ружья сделал предосторожность излишней. Тон был убит и выброшен за борт, как Гиляровский и Неупокоев.

«Где командант? Нам нужно Голикова»,—послышались новые крики.

До сих пор совершенные казни носили характер случайный. Хотя тела трех офицеров лежали уже на дне морском, но истинный виновник, представи-

<sup>1)</sup> Заметки Матющенко.

тель гнусного режима, против которого восстали матросы, тот, который обращался с ними, как с дикими зверями и не далее, как утром, грозил им виселицей, был еще жив. Казнь Голикова представлялась матросам, среди которых он возбудил высокую ненависть, торжеством справедливости и символом их победы. В его лице они думали казнить весь режим. Вооруженные матросы рассеялись кучками в поисках за офицерами и, в частности, Голиковым. Несколько минут спустя звон разбитых стекол, грохот валоманных дверей, крики: «Долой драконов! Да здравствует свобода!» раздались из коридора где в два ряда были расположены офицерские каюты. Офицеров в них уже не было: им удалось спрятаться в других местах. Только старший врач Смирнов еще оставался в каюте и был убит здесь выстрелом в окно, матовое стекло которого было разбито. Эта казнь, нарушившая постановление не убивать офицеров без суда над ними, долго оставалась неизвестной главарям движения.

В то время, когда многие из матросов разыскивали начальство, раздались один за другим три взрыва, от которых затрясся весь броненосец. Долгое время их злое эхо повторялось в горных высотах пустынного острова. Это гремела 47-мм. пушка, направив свой зев в миноносец № 267.

Близость его к восставшему судну была опасна. Как сказано выше, миноносец был прикомандирован к «Потемкину» на время плавания. Революционерам неизвестны были его намерения. Была возможна атака с его стороны. Недоверие еще увеличилось, когда кто-то, спасавшись вплавь с «Потемкина», был принят на борт миноносца и последний тотчас же начал удаляться от броненосца. Как после узнали, комендант мотивировал перед матросами отплытие желанием быть подалеже от пуль взбунтовавшегося судна. Матросы-революционеры не без основания об'яснили от'езд намерением командира известить скорее о случившемся в Одессе и Севастополе. Они решили несколькими выстрелами из пушки остановить миноносец. Необходимые снаряды находились в специальном складе. Его быстро взломали, и матрос принес пять снарядов, из которых тремя бомбардировали миноносец. Желая лишь напугать его, выстрел направили дальше, чем находился миноносец. Последний тотчас же последовал приказанию броненосца и, повернув острый конец, где находились мины, к суше (в знак миролюбивых намерений), начал приближаться к броненосцу.

В это время группа матросов вела переговоры у дверей адмиралтейской каюты, куда скрылись Голиков и прапорщик Алексеев. Несмотря на настойчивое требование матросов, они не хотели впустить их, и только, когда начали ломать двери, Голиков сдался, видя бесполезность сопротивления. Обоих офицеров нашли совершенно раздетыми, готовыми броситься в море. Кортёж победоносных матросов, ведя пленных офицеров, направился по адмиралтейской лестнице на ют. Командир Голиков почувствовал свою судьбу; он читал ее в словах и на лице матросов, пришедших за ним, и перед ожидавшей его смертью совершенно потерял присутствие духа. Высокомерный, жестокий начальник умолял теперь тех самых матросов, которых он сегодня утром хотел расстрелять. «Старый дурак, что ты сделал со своими матросами?»—говорил он вслух. Увидев Матющенко, он бросается к нему на шею и сквозь слезы просит пощады: «Я согрешил перед всем экипажем; прости меня, брат мой!..»—«Я лично против тебя ничего не имею»,—отвечал тот: «как матросы решат...»—

«На нос командира, на нос, которым он грозил нам сегодня утром!»—кричали матросы, а он продолжал умолять. Вид дрожащего, жалкого старика не успокоил матросов... Толпа осыпала его упреками и бранью. Каждый перечислял ряд страданий, наказаний, несправедливостей, унижений, нанесенных ему Голиковым. Но крики: «Довольно, довольно ждать. Всадить ему пулю, которую он заслужил». Командира отвели на несколько шагов дальше, раздался залп. Труп Голикова выбросили в море.

«Пощадите меня, братья,—я такой же матрос, как и вы; у меня—жена и дети»—умолял матросов прапорщик Алексеев.—«Мы не тронем тебя, но обещай нас привести в Одессу». Алексеев сейчас же согласился быть командиром судна. Но и без этого обстоятельства матросы не убили бы его—его любили за товарищеское отношение. Служивши раньше простым матросом, он хорошо знал их жизнь; ставши офицером, он выражал чувство солидарности матросам. Поощадили также двух наиболее ненавидимых кондукторов, Лесового и Бурдюкова, известных злостью и грубостью. Матросы хотели казнить их, как Голикова, но оба кондуктора начали плакать. Прося у матросов прощения за «свои грехи», они обещали полное повиновение, если им оставят жизнь. «Пусть меня не зовут больше Лесовым, если я не буду во всем вас слушаться. Спасите мне жизнь, и я клянусь женой, детьми, что буду исполнять все ваши приказания»—говорил один из них. Бурдюков также умолял. «Оставим их,—советовали несколько матросов:—у нас всегда будет время наказать их, если они нам изменят». Обоих поощадили. После, однако, матросам пришлось раскаиваться в своем великодушии, так как оба кондуктора, преимущественно Бурдюков, стали во главе контр-революции.

Миноносец подошел к броненосцу. Через минуту два офицера, бывшие на нем—лейтенант барон Клодт, комендант миноносца, и лейтенант Макаров, убежавшие с «Потемкина», были на палубе броненосца. Их сопровождало несколько матросов. Желая спасти жизнь своему командиру, барону Клодту, они представили его, как очень доброго и мягкого начальника. Нужно заметить, что на миноносцах покушкой провианта заведывали сами матросы. Этим объясняется, что пища у них была лучше и мясо хорошего качества.

Матросы на миноносце, стоявшим всего в 10 метрах налево от «Потемкина», видели всю драму, происшедшую на нем. Они слышали приказание Голикова относительно караула. «Вот до чего дело дошло с такими начальниками»...—сказал по этому поводу барон Клодт:—«Что же делать теперь с матросами: арестовать их, расстрелять?»... Офицеры и матросы еще рассуждали об этом, когда услышали ясный и отчетливый крик: «Не стреляйте—они наши братья». Они увидели, что события принимают серьезный оборот. Перед их глазами разыгрывалась кровавая трагедия. Не знали, что делать. Через несколько минут они увидели человека, плывущего к миноносцу. Это был офицер Макаров. «Снимите с меня мундир»,—просил он, когда очутился на миноносце. Несколько матросов раздели его и дали свою блузу, так как под мундиром не оказалось ничего. Затем Макаров вынимает из мундира пачку вымокших банковых билетов и принимается их сушить<sup>1)</sup>. Что было дальше читатель уже знает: миноносец хотел ухватить и его остановили.

<sup>1)</sup> Показание Сергея Головлицкого.

Заступничество матросов спасло жизнь их командиру, но оно не помогло Макарову. «В воду лейтенанта Макарова, в воду!»—кричали со всех сторон.—«Довольно крови! Народу не нужно только крови!»

В первый момент борьбы на «Потемкине» под непосредственным впечатлением жестокости офицеров и приготовлений к расстрелу окруженных матросов, всеми революционерами овладело бешенство. Даже итудисты, эти поборники мира, которые на все увещания Голикова отвечали, что никогда не будут убивать себе подобных, были охвачены общим вихрем и стреляли, не считая пуль. Несознательные матросы, видевшие в бунте только акт личной мести, вероятно, продолжали бы буйствовать и дальше, если бы не матросы сознательные, руководимые общей политической идеей. Они не думали, конечно, о личной ответственности, потерявшей всякое значение при таких обстоятельствах; они думали об ответственности перед делом, за которое хотели бороться. Для этого дела теперь, когда броненосец в их руках, когда главный преступник, Голиков, казнен, кровопролитие становилось бесполезным и даже вредным. Ведь это революция, а не мятеж. «Дело народа больше не нуждается в крови!» Крик был услышан. Казни прекратились, жизнь Макарова была пощажена, Удовлетворились арестом обоих в офицерской каюте, лишив их знаков отличия. Также решено было поступить с прочими офицерами.

Часть матросов пошла мыть палубу горячей водой, а другие продолжали разыскивать остальное начальство.

Здесь нам приходится возвращаться к началу драмы. Офицеры сидели уже за столом, когда старший офицер Гиляровский пришел доложить коменданту, что матросы не хотят есть супа. По этому поводу старший врач повторил то, что сказал уже утром, прибавляя, что это «простой каприз» со стороны матросов, если они отказываются от такого мяса, что «присутствие червей не указывает вовсе на его дурное качество»<sup>1)</sup>.

Голиков и Гиляровский вышли вместе. Через несколько минут, по приказанию коменданта, позвали на палубу двух врачей... При сигнале к общему сбору другие офицеры, исключая механиков и офицеров, прибывших из Петербурга, ушли из-за стола. Звук выстрела и падение тела скоро возвестили оставшимся, что наверху происходят серьезные события.

Раздавшиеся крики:—«Их всех нужно убить!»—указывали, что их жизнь в опасности. Быстро раздеваясь, они начали бросаться в воду. Первым бросился офицер Коваленко. Его примеру последовали два инженера Заушкевич и Харкевич и лейтенант артиллерии Григорьев, командированный военным министерством. Все четверо поплыли по направлению к деревянному щиту, находившемуся в ста метрах направо от судна. Ружейный залп, раздавшийся с палубы показал офицерам, что их бегство замечено. Лейтенант Григорьев, пораженный несколькими пулями, умер рядом с Коваленко. Он и двое других товарищей благополучно добрались до щита. Отдохнувши несколько минут, они решили взять доску со щита и с ее помощью добраться до отдаленного берега. «Механик Коваленко, механик Коваленко!»—кричали с броненосца. Коваленко встал на щит. «Вернитесь, вам ничего не сделают». Он направился обратно к судну. Два матроса в лодке под'ехали к щиту и забрали офицеров.

<sup>1)</sup> Показание офицера-механика Коваленко, отбывавшего воинскую повинность.



Коваленко не только любил среди машинной команды, но считали даже своим. Многие из них знали его передовые взгляды, не раз получая от него прокламации. Участвуя в «союзе офицеров—друзей народа» в Севастополе, который отчасти он сам основал, Коваленко думал служить делу матросов.

Когда все прибыли на судно, им об'явили, что бояться им нечего, что никакого насилия над ними совершенно не будет и что до окончательного решения матросов они будут находиться под арестом в офицерской каюте. Их просили снять свои знаки отличия—на революционном судне не должно быть ни начальников, ни подчиненных—все равны друг другу.

Понемногу и другие офицеры присоединились к ним: младший врач Голленко, найденный под судовой цистерной; полковник, представитель Обуховского завода, спрятавшийся в уборной; полковник Цветков—в машинном отделении; мичман Ястребов, инженер Калюжский, лейтенант Назаров, спрятавшиеся по разным углам. Находясь вне опасности, офицеры могли хладнокровно обсудить действия матросов. Все согласилось, что виновники не матросы и само правительство<sup>1)</sup>. Впрочем, они не вполне правильно оценивали момент. Они думали, что это—простой мятеж, и предполагали, что матросы сдадутся какому-нибудь иностранному правительству, например, Турции, оставляя офицеров и броненосец на произвол судьбы.

В это самое время квартирмейстер 1-й статьи Матющенко, выдвинутый событиями, об'яснил товарищам, собравшимся на юте, всю важность революционного момента, в который они начали борьбу за освобождение русского народа. Благодаря своей смелости, решительности и хладнокровию, Матющенко уже приобрел то сильное влияние на матросов, которое он сумел удержать до конца. Его речь и речи других матросов, членов революционного комитета, Никишкина, Звенигородского, Резниченко, развертывали перед матросами план восстания. Товарищи высказывали уверенность, что их выступление не будет единственным, что за ними последует вся эскадра. Речи встречались криками: «Долой самодержавие! Да здравствует свобода!» Пока произносились речи, группа матросов расправлялась со старшим врачом Смирновым, бросая его за борт. На его просьбы дать ему спокойно умереть, отвечали: «А не ты ли хотел сегодня утром заставить нас есть гнилое мясо?»—«Я не виноват,—говорил врач,—я принужден был так поступить». На Смирнове тяготело другое обвинение. Говорили, что он из револьвера убил караульного за неповиновение приказаниям Гиляровского<sup>2)</sup>.

После Гиляровского, Неупокоева, Голикова, Тона, командированного военным министерством Григорьева, Смирнов был шестым. Последовала еще седьмая жертва, мичман Левенцов, который, вероятно, убит был в воде. Упомянем еще о мичмане Вахтине, который был только ранен. Он находился в офицерской каюте, когда матрос хотел пройти мимо за снарядами, для бомбардировки миноносца. Боясь вероятно быть убитым, Вахтин не пропустил матроса, заперев дверь. Матрос положил свою ношу, высадил дверь и запустил стулом в офицера. Раненый в голову, офицер упал под стол, его после вытащили и отправили в лазарет, где лежал уже смертельно раненый Григорий

<sup>1)</sup> Показания Коваленко.

<sup>2)</sup> Матрос Голубков, фельдфебель артиллерии, удостоверяет, этот факт. Другими показаниями мы не имели возможности его подтвердить.

Вакулинчук. Число матросов, случайно убитых в течение этой драмы, остается до сих пор неизвестным. Некоторые из них, боясь взрыва на судне, распространяли слух, что офицер Тон находится в помещении под 305-мм. пушками и намеревается взорвать броненосец,—бросились в море и утонули, не умея плавать. Другие были убиты залпами. Многие прятались, по примеру начальства, и показались только тогда, когда все было кончено.

В четыре часа пополудни матросы, принявшие команду различных частей, заранее назначенных им планом восстания, об'явили, что все готово к отплытию.

От матросов миноносца узнали о событиях, происходивших в это время на улицах Одессы. Первой мыслью свободных матросов было отправиться на помощь братьям-рабочим, поддержать их в борьбе за свободу.

X. РАКОВСКИЙ.